www.wordlyknowledge.uz Volume: 1, Issue: 2, 2023

АЛМА-АТИНСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Матенова Юлия Умидовна - кандидат филологических наук, доцент, Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами
Думахонова Шодихон Искандар кизи - Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, Узбекистан, г. Ташкент
shodiyadumaxonova@gmail.com
Раимова Малохатхон Шухрат кизи - Андижанский государственный университет, Узбекистан, г. Андижан

Аннотация. Были рассмотрены прозы Дины Рубиной и Юрия Домбровского алма-атинский хронотоп их прозы, свидетельствующий о наличии алма-атинского локального текста в русской культуре. Основные паттерны алма-атинского текста яблоки, горы, река Алма-Атинка (иные локусы), тополя и др. Также статья посвящена алма-атинскому тексту в русской литературе. На материале дилогии Ю.О. Домбровского и других источников описан один из паттернов локального текста Алма-Аты.
Ключевые слова: Алма-Ата, локальный текст, Дина Рубина, паттерны, Юрий Домбровский.

Локальный текст – это система устойчивых стереотипов, сюжетов, образов, связанных с каким-либо конкретным городом и актуальных не только для его жителей, но и для дискурса культуры, в нашем случае русской. Термин «локальный текст», получивший сегодня широкое распространение, вслед за В.Н. Топоровым, был развит в исследовании В. Абашева о пермском тексте [1]. Если город вызывает ассоциацию в виде образов или его деталей, культовых локусов, персоналий, ландшафта, а также в виде слухов, молвы о месте, в виде характерных артефактов, прецедентных текстов и др. – и когда все эти ассоциации и образы тиражируются в речи, а также литературными произведениями, то можно говорить о наличии локального текста [2].

«Город», «сити», «таун», «урбс», «шахр», «медина», «урга», «чита» - все эти и многие другие названия введены в языки разных народов для определения одного целостного организма, который существовал и существует как объективная реальность, выделяемая в общественном сознании в сложную структуру организации социума. Каждая эпоха создает свои города. В каждом складывается свой облик, образ жизни, мировоззренческие установки, элементы группового самосознания. В каждом создается особый тип человека, система общественных потребностей и ценностных ориентаций, бытовых форм и привычек, вырабатывается стиль межличностных отношений. Город не только способствует взаимодействию между группами, но и осуществляет связь между разными территориями и этносами, подчас весьма отдаленными. Он становится генератором разных форм общения, в которых заключается наиболее важная информация о состоянии всей системы коммуникации в обществе, местом инноваций и грамотности, аккумулятором творческого потенциала.

Исторический город как наиболее древняя и вместе с тем современная форма человеческого общежития привлекает внимание широкого круга специалистов - архитекторов, историков, географов, экономистов, социологов, философов, искусствоведов. Столь глубокий интерес к нему не случаен. Все, создаваемое человеческой цивилизацией, они вбирают в себя, не теряя при этом целостности и единства. Являясь свидетелями исторических событий, причем свидетелями не

www.wordlyknowledge.uz Volume: 1, Issue: 2, 2023

равнодушными, не пассивными, а «действующими персонажами»1 истории, они связывают времена и традиции, перебрасывая мост из прошлого через настоящее в будущее.

Вместе с тем понятие «исторический город» до сих пор окончательно не осмыслено. Познание исторического города зачастую ограничивается его освоением «по необходимости». Древние улицы воспринимаются как маршруты следования, дома и памятники — как объекты назначения. Исторический город представляет интерес лишь «здесь и сейчас» и оценивается с точки зрения комфортности существования в нем. Смыслом и значимостью наделяются только те объекты, которые связаны с событиями собственной биографии. Все остальное не вызывает ни исторических воспоминаний, ни каких-либо ассоциаций.

В наши дни изучение локальных текстов вызывает значительный интерес у литературоведов, они обращаются к анализу образов локальной словесности, места, провинциальной литературы. Анализ и интерпретация культурных текстов также один из эффективных методов познания и изучения иной культуры. Локальные тексты содержат в себе информацию, способствующую осмыслению социокультурных особенностей того или иного места (локуса) и репрезентирующую региональные сообщества. Текстуальное пространство культуры – семиосфера – в исследованиях Ю.М. Лотмана и других участников тартуско-московской семиотической школы обрело границы, структуру, членение по вертикали и горизонтали. Семиосфера была рассмотрена как «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [4]. Мощный импульс исследованию локальных текстов в русскоязычном гуманитарном знании дал получивший широкую известность сборник «Семиотика города и городской культуры. Петербург» [8]. Статьи В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, З.Г. Минц, М.И. Безродного и других вызвали, по словам А.П. Люсого, в современном российском гуманитарном знании «настоящую текстуальную революцию» [5], которая «отличается от региональных исследований на Западе тем, что каждый региональный текст представляет собой не какую-то сугубо региональную точку зрения, а попытку концептуального «выворачивания» всей России через себя» [6].

Таким образом, если город вызывает ассоциацию в виде образа или его детали, культовых локусов, персоналий, ландшафта, а также в виде слухов, молвы о месте, в виде характерных артефактов и др. – и когда все эти ассоциации и образы тиражируются в речи, а также литературными произведениями, то можно говорить о наличии локального текста, в нашем случае – алма-атинского. Писатель вправе селить своих персонажей где угодно – в любом, интересном ему, автору, географическом пространстве. И тут вступает в свои права «ткань» места или города, влияющая на сюжет, поведение персонажей, создавая, помимо воли автора, свою, локальную атмосферу, диктуя сюжету свои локальные законы.

«Ткачами» алма-атинского текста в русской литературе можно назвать современного писателя Дину Рубину и Юрия Домбровского, который, безусловно, один из слагателей этого локального феномена – и по праву долгого проживания в Алма-Ате, и по хронотопу двух его романов – «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей».

Рассказчица Дины Рубинной, в контексте всей ее прозы «навеки ужаленная Европой» [7], путешествует с одной непреходящей мыслью – поиском следов уничтоженного еврейства: она ищет их в Испании, Германии, Италии, Франции, Чехии, Австрии. В ее романах представлена широкая географическая палитра: Львов, Сахалин, Ленинград (Питер), Одесса, Иерусалим, Прага и другие города. Историко-смысловая

www.wordlyknowledge.uz Volume: 1, Issue: 2, 2023

мотивация, закрепленная за этими топосами в романах Рубиной, понятна и объяснима сюжетами произведений. При этом уникален механизм культуры места, воздействующий на сюжет произведений. Феномен genius loci, или гений места, является характерной чертой рубинской поэтики. Все места, в которых оказываются ее персонажи, выписаны со страстью и со знанием того спектра, который входит в понятие «локальный текст».

Рассказчица не оставляет своим вниманием и Восток, а именно – бывший советский Восток; здесь ее герои предаются рефлексии: как было и как стало. Взгляд рассказчицы останавливается на приметах и сигналах утраченной цивилизации городов-Вавилонов. Таким был Ташкент в романе «На солнечной стороне улицы». Тема Ташкента всплывает не только в этом сугубо «ташкентском романе», она намеком, деталью, воспоминанием, сравнением обнаруживается в прозе Рубиной повсюду, это также стало чертой рубинской поэтики.

И вдруг появляется совершенно новый для Рубиной локус – в романе «Русская канарейка» (2014). Это Алма-Ата. Именно в таком написании, а не в новой версии (Алматы). Этот графический жест дает установку, что речь пойдет о советском периоде восточного города.

Вероятно, глубинной причиной возросшего в российском литературоведении и культурологии внимания к локальным текстам является «цветущая сложность» (К.Н. Леонтьев) русской культуры с присущим ей разнообразием – ландшафтным, этническим, языковым и религиозным. Целью локальных и региональных исследований локальных текстов является осмысление этого многообразия и соотнесение его с неким целым. Текстуальное пространство локальной, региональной культуры – сложно организованное многоуровневое единство. В настоящей статье мы рассмотрим алма-атинский текст в русской литературе.

Первым транслятором алма-атинского текста в русской литературе можно назвать русского писателя XX в. Юрия Домбровского, который жил и писал в «городе яблок», и героя своего – во многом автобиографического – писатель селит именно в этом городе. «И тут вступает в свои права «ткань» места, или города, влияющая на сюжет, поведение персонажей, создавая, помимо воли автора, свою, локальную атмосферу, диктуя сюжету свои локальные законы» [9].

Алма-Ата Домбровского – это прежде всего яблочный город. Одна из ведущих ассоциаций с Алма-Атой среди наших соотечественников – яблоки. Алма-Ата 1930-х гг., Алма-Ата Домбровского и Зыбина (главного героя дилогии Домбровского) славилась знаменитым сортом яблок – апорт. «Это почтовая контора. Отсюда во все концы страны летит знаменитый алма-атинский апорт» [3]. Алма-атинские старожилы не прекращают вспоминать те самые яблоки и сегодня. В 1865 г. в окрестности города Верного (будущая Алма-Ата) из Воронежской губернии были завезены саженцы и путем скрещивания с дикой яблоней выведен новый сорт, тот самый апорт [9].

Красочное и неподражаемое упоминание яблок сорта «апорт» можно найти в романе «Хранитель древностей» Домбровского: «…вы апорт спрашивайте! Только его, только его! Как вы в Москве чемодан с ним раскроете, так все рты поразевают, там и яблок таких сроду не видели. Каждое с килограмм! Это действительно почти невероятное яблоко – огромное, блестящее, ярко-красное. Когда я впервые увидел его, то не поверил своим глазам. Оно лежало на черном жестяном подносе, исписанном огромными трактирными розами, и розы не казались уже огромными, яблок было всего три, но они занимали весь

www.wordlyknowledge.uz Volume: 1, Issue: 2, 2023

поднос – лучистые, лакированные, как ярмарочные матрешки, расписанные мазками, пятнами, какими-то вихрями света и зелени. Они были так хороши, что я побоялся их тронуть. А вечером я все-таки разломил одно. Оно сухо треснуло, едва я прикоснулся к нему, и мне в лицо брызнул искристый, игольчатый сок. Я поднес половину яблока к лампе, и оно вдруг сверкнуло, как кремень, льдистыми кристаллами и хрусталиками, – кусок какой-то благородной породы – не мрамор, не алебастр, а что-то совсем другое – легкое, хрусткое, звонкое, не мертвое, а живое лежало у меня на ладони. Алма-атинский апорт!» [3].

В романе Дины Рубиной «Русская канарейка» (2014) не менее живые воспоминания: «Главный признак Алма-Аты – Апорт называли символом Алма-Аты: яблоко весило чуть не килограмм. Гигантские, круглые пахучие плоды, красно-полосатые, от малинового до бордового, с зеленоватой кисло-сладкой сердцевиной – они до февраля могли храниться просто в серванте. Бабушка рассказывала, что раньше их продавали с телег, выстланных сеном, –горы пунцовых яблок, покрытых тонким слоем воска. На вокзал апорт ведрами выносили к поездам, ведрами продавали на подходе к базару; золотисто-малиновыми курганами пузатились прилавки фруктовых рядов на Зеленом базаре. На улице Абая, где яблони росли вдоль арыка, роняя в воду плоды, а те плыли, плыли, стремительно кружась, как поплавки, и скапливались у коллектора, можно было просто опустить руку в холодную воду и выудить самое красное, самое пахучее и уже мытое яблоко: бери и надкусывай, успевай лишь отирать ладонью сладкий сок с подбородка» [7].

Другие паттерны алма-атинского текста, содержащиеся в дилогии Домбровского, а также встречающиеся в других локальных текстах (в том числе, в романе Дины Рубиной «Русская канарейка») и в воспоминаниях жителей яблоневого города – это тополя, речка Алма-Атинка, музей Кастеева, театр Оперы и балета имени Абая, Зеленый базар, колхоз «Горный гигант», и яркое пятно среди серой советской действительности – эксцентричный и чудаковатый художник Сергей Калмыков. Личность запоминающаяся, ставшая частью истории города. В романе Домбровского художник предстает так: «…Он был… одет не для людей, а для галактики. На голове его лежал плоский и какой-то стремительный берет, на худых плечах висел голубой плащ с финтифлюшками, а из-под него сверкало что-то невероятно яркое и отчаянное – красно-желто-сиреневое. По улицам Алма-Аты ходил странный человек – лохматая голова в старинном берете, широкие брюки из мешковины, сшитой цветными нитками большими стежками, с огромной расписной сумкой на боку» [3].

Алма-Ата – это яблонное, или яблоневое, место. Как отмечено выше, одна из ведущих ассоциаций с Алма-Атой – яблоки. Историческая справка: в 1865 году в окрестности города Верного (будущая Алма-Ата) первые саженцы апорта привез переселенец из Воронежской губернии – Е. Редько. Путем селекции и скрещивания с дикорастущей яблоней был выведен новый сорт яблок. В 1900 году результаты плодоводства Верненского уезда экспонировались на Всемирной выставке в Париже, где сорт апорт и приобрел свое имя благодаря тому, что выставочный стенд находился у дверей, а по-французски la port – дверь.

И Домбровский отмечает воздух как портретную черту Алма-Аты: «А воздух, чуешь? Да, воздух здесь был особый. Болото курилось тысячами запахов, тонких, терпких, не смешивающихся друг с другом. По-одному пахли мох и вода, по другому – неясно и терпко – осоки. Неуловимый чайный аромат исходил от странных, бурых цветов с телесно-серыми лепестками и мохнатой пчелиной шапочкой, и совсем иным – водой и

торфом – несло от широких промоин с совершенно прозрачной, но, как казалось сверху, черной водой» [2].

По аналогии с ташкентским текстом [9], в рубинской Алма-Ате также живут полуряженые, полусумасшедшие – видимо, таков портрет любого полиэтнического города, или «маленького Ташкента»: «Встреча с безумцами всегда была – нечаянный театр. Две его знакомые чокнутые старушки ездили в троллейбусе номер девять – от проспекта Ленина до кинотеатра “Целинный”» [5].

Алма-Ата Домбровского также населена чудаками: «Здесь же печально бродит между ларьками некая туманная личность. Завсегдатаи знают, что это актер и поэт-новеллист. У него страшное, иссиня-белое, запойное лицо. Из театра его сократили, и вот он теперь ходит по рынку и гадает. Под мышкой у него толстый фолиант “Как закалялась сталь” – издание для слепых. Он кладет его на колени, распахивает и гадает». Здесь же, в одном из городских локусов, Айя получила «отметину», легкое увечье: «…Айе исполнилось лет пятнадцать, когда с подругой Милкой она гуляла по проспекту Аль-Фараби, объездной кольцевой дороге недалеко от дома.

Город Алма-Ата у Юрия Домбровского представлен в фазе своего зачатия и советского периода – первой половины XX века, у Рубиной – позднесоветского и постсоветского времени; таким образом, у читателя есть возможность ощутить город, наблюдать портрет Алма-Аты почти полуторавековой протяженности. Несмотря на такую «дистанцию огромного размера», «узора милого не зачеркнуть»: алма-атинский локальный текст оставил свой след как в русской литературе, так и в культуре.

Список литературы

1. Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008. 492 с.
2. Гаврилина Л.М. Архитектоника локального сверхтекста культуры // Вестник ТвГУ. Сер. Философия. 2016. № 3. С. 104-111.
3. Домбровский Ю.О. Избранное: В 2 т. М.: Книжный клуб 36.6, 2009. Т. 2. 798 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Ю.М. Лотман. Семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 263-300.
5. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
6. Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М.: Вече, 2013. 320 с.
7. Рубина Д.И. Русская канарейка: Роман: В 3 кн. М.: Эксмо, 2014. Кн. 1. Желтухин. 480 с.
8. Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664. 139 с.
9. Шафранская Э.Ф., Лебедева Е.В. Алма-Ата как локальный текст // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 3. С. 272-282.
10. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб.: Свое изд-во, 2016. 370 с.
11. Шафранская Э.Ф. Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1(25) С. 22-29.
12. Щевелев Иван. Черный квадрат и белый круг. // НГ EX LIBRUS. (дата обращения: 17.03.2020).